

старается осмеять довод философский, который, ежели только порядочно уразуметь и изъяснить благодать, святость, истину и невинность Божию, в рассуждении происхождения зла в сем свете, сохраняет и защищает приятным всем христианам способом. . . Бедное есть расположение, ежели мы захочем восставать против непоколебимой истины одними смешными шутками; и ежели то, что все добронравные содружества за важное и святое почитают, комедиянскими шутками затмить захочем. Вечного достойно сожаления! что великий Волтер презрительное сие коварство во всех своих сочинениях весьма часто употребляет. В рассуждении истории, свет его без печали позабудет» (стр. 231—232).

Но и Руссо для Рейхеля почти так же мало приемлем, как Вольтер. Не разделяя общественно-исторических взглядов и идеалов Руссо, Рейхель пытается использовать его письмо против вольтеровской поэмы для защиты религии и религиозной морали: «Следующее письмо вооружается противу Волтера учтивейшим и сильнейшим купно образом. И хотя не во всех доказательствах г. Руссо мнение и доводы похваляю, его письмо для сей токмо причины истолковал, чтобы примером столь славных мужей показать, с каким благоразумием сочинения славных мужей читать должно и в какие опасности наше юношество вдается, ежели все без размышления читает, что в книгах славнейших мужей и новейших сочинителей находится; ибо чем новейшие многие сочинители суть, тем изобильнейшие суть дерзновенными и безрассудными мнениями, тем скуднейшие основательностью и полезною истинною. Судьба сих подобна перемене платья» (стр. 233—234).

Смелый ниспровергатель традиционных взглядов и общественных предрассудков, Руссо не мог отказаться от религиозного утешительства в системе своих взглядов. Ему казалось, что вольтеровская критика божественного промысла отнимает у человека последнее утешение, лишает его моральной опоры: он писал Вольтеру: «Поэма господина Попия облегчает мои бедствия и подкрепляет мое терпение. Ваша, напротив того, ожесточает мои скорби, возбуждает к роптанию и, лишая меня всего, кроме колеблющейся надежды, приводит меня в отчаяние. В сем удивительном противоположении, которое находится между тем, что вы устанавливаете, и тем, что я испытываю, прекратите неуверение меня колеблющее и скажите, кто из нас заблуждает в мысли или рассудке?» (стр. 238). В ответ на тезис Вольтера о том, что жизнь человеческая теряет всякий смысл, если ее на каждом шагу подстерегает неожиданная и нелепая смерть, Руссо утверждает, что ценность жизни в ней самой и